

Проанализируйте сцену, произошедшую между Соней и Раскольниковым. «Соня осмотрелась кругом. Все глядели на нее с такими ужасными, строгими, насмешливыми лицами. Она взглянула на Раскольникова... тот стоял у стены, сложив накрест руки, и огненным взглядом смотрел на нее. — О господи! — вырвалось у Сони».

Что может символизировать собой поза Наполеона, в которой автор «застает» Раскольникова? Почему Раскольников молчал и не спускал глаз с Сони? Почему вступился за Соню только после свидетельства Лебезятникова, несмотря на то, что «в стремлении его заступиться за Соню было столько личного и сердечного»? Как этот эпизод подготавливает признание Раскольникова в убийстве.

В результате анализа этой сцены учащиеся должны понять, что публично обвиненная и униженная Соня испытывает сильнейшее потрясение, однако ее жизненная позиция, в отличие от позиции Раскольникова, не меняется. В следующей за поминками сцене она по-прежнему добра к людям. Он же, ставший свидетелем позора Сони, еще более убежденный в правоте своей идеи, почти уверен в победе своих теоретических измышлений: «Ну-тка, Софья Семеновна, посмотрим, что вы станете теперь говорить!»

Перечитайте эпизод признания Раскольникова в убийстве (ч. 5, гл. 4). Проведите наблюдение над авторскими ремарками, сопровождающими исповедь Раскольникова и состояние Сони. Проследите за «душевной интонацией» Раскольникова, объявляющего о своем преступлении и объясняющего его мотивы. Как в этой сцене проявляется художественная оппозиция линии Раскольников — Соня?

Построением этой важнейшей сцены автор создает ощущение приближающейся катастрофы. Эпизод помещен между двумя сценами — *бестолковыми поминками* и известием, что вдова собирается вывести детей на улицу. Признание в убийстве Лизаветы начинается вопросом: «Если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдали: Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне? То как бы вы решили: кому из них умереть?» Заканчивается исповедь тем, что «он вдруг почувствовал и осознал, что он стал беспримерно несчастнее, чем был прежде». Сама сцена свидания состоит из двух частей: признание в преступлении и изложение его мотивов.

Обратите внимание, как тяжело Раскольникову начать разговор: его состояние, внешне возбужденное и бодрое, вследствие *недавней победы над Лужиным*, сменяется внезапным *бессилием*, страхом, *испугом* (он вдруг почувствовал, что голос его дрожит), когда он понимает неизбежность признания в убийстве Лизаветы. *Страдает* и Соня, и в этом контексте звучит его вопрос, предполагающий, по его мнению, однозначный ответ оклеветанной Сони. Для Раскольникова это повод доказать Соне правоту своей миссии, выбранного им пути и средств для достижения поставленной цели: избавить таких, как она, от унижения и страданий, пусть жестокими, и кровавыми средствами. **Убедил ли Раскольников Соню в правоте своей теории?**

Мучительное сознание своего бессилия он подавляет своим бесцеремонным поведением: *быстро отворил дверь и с порога посмотрел на Соню, вскричал раздражительно, брюзгливо прибавил, говорит, не взглядывая*, то и дело возвращается к случившемуся на поминках.

Однако на вопрос Раскольникова «Если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдали..» Соня отвечает *с отвращением* и негодованием. «Зачем вы спрашиваете, чему быть невозможно?» «Да ведь я божьего промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» Негодование Сони вызвано тем, что она, в отличие от Раскольникова, понимает *сердцем*, что только Бог дает человеку право выбора жизненного пути, и эти простые доводы делают героиню сильной и мудрой. Причем это не слепое подчинение жизненным обстоятельствам, мера ее понимания сложившейся ситуации велика, и Раскольников это чувствует. «А ведь ты права, Соня, — тихо проговорил он наконец; выделанно-нахальный и бессильно-вызывающий тон его исчез. Даже голос вдруг ослабел». Ее уверенный тон о *божьем промысле* заставляет его *прощения просить* у Сони.

Ощущение какой-то едкой ненависти к Соне, прошедшее по сердцу Раскольникова, исчезает, когда он встречает *беспокойный и до муки заботливый взгляд* ее и понимает, что «та минута пришла». Желание *объявить* о своем преступлении вдруг сравнилось с ощущением, «когда он стоял за старухой, уже высвободив из петли топор, и